

ЛИНЗЫ

АРЬЕ ГОТСДАНКЕР

Арье Готсданкер

ЛИНЗЫ

«Автор»

2026

Готсданкер А.

Линзы / А. Готсданкер — «Автор», 2026

Каждый из них уверен, что видит ясно. Один выстроил идеальную систему из двух женщин и навигатора — и не заметил, что ни одна дорога не ведёт домой. Другой считает людей по номиналу — пока номинал не предъявляют ему самому. Третий пришёл к психологу с чужой проблемой и ушёл со своей. Четвёртый выиграл тендер, который проиграл двадцать лет назад. Пятый просчитал всё — маршрут, снаряжение, погоду, кислород — кроме того, что горы не читают расчётов. «Линзы» — пять коротких историй о мужчинах, которые смотрят на мир через оптику самообмана и принимают искажение за резкость. Здесь нет злодеев — есть люди, которые любят, врут, работают, теряют и не понимают, где именно всё сломалось. Вы узнаете в них мужа. Друга. Отца. Может быть — себя. Все персонажи основаны на реальных судьбах. Верёвка — реальная.

© Готсданкер А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

НЕВИДИМКА	6
НОМИНАЛ	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Арье Готсданкер

Линзы

*Каждый мужчина – это история,
которую он никому не расскажет.
Если смотреть правильно —
можно увидеть.*

НЕВИДИМКА

виньетка первая

Сто тридцать. Сто сорок. Сто пятьдесят.

Стрелка ползла вправо, и Константин не убирал ногу с газа. Не потому что торопился. Торопиться было некуда. Просто скорость – единственное, что он чувствовал за последний час. Вибрация руля в ладонях. Гул мотора в грудной клетке. Подрагивание кузова на стыках. Тело ещё было. Тело подтверждало, что он существует.

Всё остальное – нет.

Телефон лежал на пассажирском сиденье экраном вниз. Не звонил. Константин не помнил, когда выключил звук. Может, на выезде из посёлка. Может, раньше. Может, звук выключился сам – устал ждать, что кто-нибудь наберёт.

Радио он не включал. Музыка требовала выбора, а Константин больше не хотел выбирать. Ни станцию. Ни полосу. Ни направление. Машина ехала в сторону города, но это была инерция, не решение. Если бы трасса свернула в сторону Финляндии, он бы, наверное, не заметил.

Ничего не откликается.

Он произнёс это вслух – и удивился не словам, а тому, что голос не дрогнул. Раньше, когда уезжал из ссор, в горле стояло. Обида, или злость, или тяжёлое мужское «я же говорил». Сегодня – ничего. Горло было свободным. Лёгкие дышали полностью, до самого дна, впервые за чёрт знает сколько лет.

Это было похоже на то, как отпускает боль. Не резкая – тупая, фоновая, к которой привык настолько, что принял за часть себя. И вдруг её нет. И ты не знаешь – это выздоровление или анестезия перед тем, как станет хуже.

* * *

Три года назад Константин входил в комнату – и менял в ней давление. Коммерческий директор. Человек, который берёт трубку, и на том конце выпрямляются. Который подписывает, и подпись – не закорючка, а гарантия. Без него не начинались совещания, без его визы не уходили письма, без его «давай» не запускались проекты.

Но главное, за что платили, – умение не дрогнуть. Клиент орёт в трубку – голос ровный. Партнёр блефует – лицо спокойное. Жена танцует с генеральным на корпоративе чуть дольше, чем нужно, – рука в кармане не сжимается. Это был навык. Профессиональный. Высокооплачиваемый. Константин умел не чувствовать в нужный момент. Рынок это ценил.

Потом компания перестроилась. Или он устал. Или устал, и компания это почувствовала – Константин так и не понял, что было первым. Как не понимаешь, проснулся ли ты от того, что стало холодно, или стало холодно от того, что одеяло сползло, пока ты ворочался.

Руководитель отдела. Та же отрасль, тот же город, тот же пиджак. Но подпись больше ничего не гарантирует. В комнате давление не меняется. На совещаниях можно не быть – протокол пришлют.

Константин не жаловался. Он вообще не жаловался – это был один из навыков, которые прежняя должность приучила считать достоинством. Не жалуйся, решай. Не проси, обеспечивай. Не чувствуй – функционируй.

Он и функционировал. Тихо, ровно, качественно. Как кофемашина, которую переставили из переговорной в коридор. Тот же кофе. Но мимо проходят, не замечая.

* * *

Он не заметил, когда Ира перестала спрашивать, как дела.

Наверное, был какой-то переходный период – спрашивала через раз, потом через два, потом по привычке в пятницу, потом забыла и пятницу. Константин не зафиксировал момент. Он зафиксировал результат: за ужином она рассказывает о своём дне – подруга, ремонт, мама, ребёнок – и не делает паузу. Раньше делала. Маленькую, вежливую. «Ну а ты?» Этой паузы больше не было.

Константин стал фоном. Как радиатор, который греет, но на который никто не смотрит, пока он работает. Радиатор замечают, когда он ломается. Или когда приходит счёт за отопление.

Артём, четырнадцать лет, существовал в наушниках. На тетрадке по геометрии был нарисован чёрным маркером лабиринт – без выхода. Константин видел эту тетрадку каждый день на кухонном столе. Артём не знал, что отец разглядывает рисунок. Отец не знал, что хочет спросить, но боится услышать ответ.

А потом приехала Валентина Петровна.

* * *

Тёща привезла банку компота, два пакета помидоров и тот же чемодан на колёсиках, с которым приезжала двадцать лет назад, когда Константин ещё казался ей надёжным. Ручка была перемотана изолентой. Валентина Петровна поставила чемодан в прихожей, задержала на нём ладонь – секунду, не дольше – и прошла на кухню. У неё тоже были свои привычки, которые она давно перестала замечать.

Константина она не видела. Видела функцию – «зять», – и функция работала плохо. При старой должности тёща варила ему борщ и интересовалась давлением. При новой – пересчитывала его траты за столом, как будто вслух.

В субботу Ира что-то сказала за обедом. Константин потом не мог вспомнить – что. Что-то про забор. Или про машину. Или про то, что Артёму нужен репетитор, а «мы» не можем. Местоимение «мы» было произнесено так, что Константин услышал «ты». Валентина Петровна кивнула – быстро, по-птичьи – и добавила что-то про «в наше время мужчины». Не договорила. Не нужно было.

Константин сидел за столом, и вдруг увидел себя со стороны. Крупный, пятьдесят шестой размер, коротко стриженный, руки на скатерти – и абсолютно, физически невидимый. Две женщины разговаривали о его жизни в третьем лице, не оборачиваясь, не снижая голос. Артём ел, глядя в телефон. На экране что-то мелькало. Константин не попадал ни в чьё поле зрения, хотя занимал больше всех места за столом.

Я пустое место.

Эта мысль не ударила. Она легла. Тихо. Как ложится снег на машину, которую давно не заводили.

Он встал. Сказал «я поеду». Не «мне надо ехать» – это подразумевает причину. Просто «я поеду». Как объявление на вокзале, которое никого не касается.

Ира сказала «угу».

Не повернулась.

Валентина Петровна потянулась за компотом.

Артём не снял наушник.

Константин взял ключи с крючка у двери, и крючок покачался – единственный предмет в доме, отреагировавший на его уход.

* * *

Сто шестьдесят.

Он не уезжал от них. Он уезжал – и обнаружил, что ехать не от чего. Верёвка, которая должна была тянуть обратно – вина, тоска, привычка, страх – не тянула. Не потому что он её перерезал. Она истлела сама.

Когда это началось?

Он попробовал вспомнить. Не ссору, не обиду – момент, когда навык стал характером. Когда «не дрогнуть» перестало быть работой и стало им. Клиент хамит – терпи. Партнёр врёт – улыбайся. Жена флиртует с директором на новогоднем банкете, и его рука – у неё на поясице, на пять сантиметров ниже, чем допускает приличие, – не думай. Не сейчас. Потом. Потом он тоже не подумал. И потом. И потом. Навык работал безупречно: выключил – и забыл, где выключатель.

Я сам это сделал.

Обычно на этом месте трассы он начинал репетировать. Что скажет. Как объяснит. Он всегда готовился к разговору, который никогда не приводил никуда. Семнадцать лет репетиций.

Сегодня он ничего не репетировал. Говорить стало некому. Не в смысле – она умерла. В смысле – та, с кем он мысленно разговаривал, давно не совпадала с женщиной, которая сказала «угу». Он вёл переговоры с призраком. С той Ирой, которая когда-то делала паузу.

Может, и меня не было давно.

Он снял ногу с газа. Плавно, как человек, который не передумал разбиваться, а задумался о том, куда, собственно, едет.

Сто тридцать. Сто двадцать. Сто десять. Девяносто.

Позвонила мама. Он не ответил. Не из грубости – из нежности. Если ответит сейчас, она услышит тишину и испугается. Матери слышат пустоту раньше, чем слова.

* * *

Никто не позвонил.

День. Три. Неделя.

Константин ждал. Не хотел ждать, но ждал – привычка. Как бывший курильщик тянется к карману, где нет пачки. Тело ждало звонка, который мозг уже не хотел.

На четвёртый день он поймал себя на том, что проверяет телефон. Убрал его в ящик. На седьмой – достал. Пусто. Ни «ты где», ни «когда приедешь», ни даже «Артёму нужны деньги на экскурсию». Ничего.

На десятый день он понял: она тоже не ждёт. Не потому что наказывает. А потому что ей и без него – нормально. Так же, как ему без неё.

Вот так это выглядит. Не хлопнутая дверь. Не чемодан на пороге. Не «я ухожу». Просто – перестал заезжать. И никто не заметил.

На третьей неделе он перевёз вещи. Два чемодана, ноутбук, зимняя куртка. Всё, что осталось от семнадцати лет. Всё поместилось в багажник – даже заднее сиденье не понадобилось.

* * *

Квартира пахла родителями.

Не духами и не табаком – родители не курили. Просто воздух, который стоял без движения с тех пор, как мать переехала к сестре. Кран на кухне подкапывал – всегда подкапывал, отец собирался починить, не починил, умер, кран продолжил. Обои в коридоре – те же. Вешалка – та же, с одним сломанным крючком. На зеркале в прихожей – пятно от скотча, где мать вешала записку «Костя, суп в холодильнике». Записки не было. Суп – тоже. Но пятно помнило.

Константин поставил чемоданы в коридоре. Не стал разбирать. Прошёл на кухню. Открыл кран – вода шла ржавая, потом прозрачная. Наполнил чайник. Поставил. Щёлкнул кнопкой. Сел за стол – тот же стол, за которым делал уроки в третьем классе.

Чайник зашумел.

И Константин вдруг понял, что слышит его. По-настоящему слышит – как шум поднимается от дна, как вода начинает ворчать, как щёлкает термостат. Он слышал каждый звук отдельно, как человек, которому вернули слух после долгой глухоты.

Он не позвонил Ире. Не позвонил маме. Не позвонил никому.

Он нашёл в шкафу чашку – белую, со сколом, с выцветшей надписью «Лучшему папе». Он подарил её отцу в девять лет. Отец пил из неё каждое утро. Двадцать два года подряд. Мать не выбросила.

Константин налил чай. Сел. Обхватил чашку двумя руками. Горячее фаянсовое тепло прошло через ладони – первое тепло за весь день, которое не нужно было заслуживать.

За окном начинало темнеть. Кран подкапывал. Чай остывал.

Константин сидел за столом своего отца, пил из чашки своего отца, в квартире своего отца – и впервые за очень долгое время был видим. Не потому что кто-то наконец на него посмотрел.

А потому что он наконец посмотрел сам.

Он допил чай, помыл чашку, поставил на место. Открыл окно. В квартиру вошёл воздух – холодный, октябрьский, чужой.

Свежий.

НОМИНАЛ

виньетка вторая

Мотоцикл стоял в подземном паркинге между Porsche жены и его Гелендвагеном. Ducati Monster, чёрный, без единой наклейки. Сергей не любил наклейки. Наклейки – для тех, кому нужно объяснять, кто они. Сергей не объяснял. Сергей входил.

Сорок два года, метр восемьдесят шесть, рукопожатие, от которого у подрядчиков белели костяшки. Директор бизнес-юнита в холдинге, который не называл себя холдингом, а называл себя «группой компаний», потому что так звучит скромнее, когда у тебя оборот в миллиард. Сергей поднял этот юнит с нуля. Пришёл, когда была комната, стол и телефон. Через четыре года – сто двадцать человек, три региона, собственный склад. Собственник не вмешивался. Собственник доверял. Это было больше, чем деньги.

Потом Сергей развёлся.

Быстро, как делал всё. Адвокат, раздел, квартиру оставил, машину оставил, алименты – сверх нормы, без торга. Двое детей: Даша четырнадцать, Лёша десять. Сергей целовал их в макушки, обещал каждые выходные и верил, что справится. Дети – это ведь не сложнее регионального отделения? Расписание, логистика, внимание, бюджет.

Через полгода выходные стали через раз. Через год – два воскресенья в месяц. Не потому что не хотел. Потому что жизнь заполняется, как вода заполняет форму: новая жена, мотоклуб, поездка в Хорватию, потом в Черногорию, потом тимбилдинг на Алтае. Он каждый раз говорил Даше «в следующие». Даша перестала спрашивать раньше, чем он перестал обещать.

* * *

Настю он встретил на переговорах. Она работала у контрагента – координатор, двадцать восемь лет, короткая стрижка, быстрые глаза. Говорила мало, записывала много, после встречи прислала протокол, в котором не было ни одной лишней фразы.

Сергей влюбился в протокол. Потом в стрижку. Потом в то, как она слушала. Она слушала так, будто он был единственным источником информации во вселенной. Раскрытые глаза, лёгкий наклон головы, пауза перед ответом. Сергей двадцать лет руководил людьми и знал, как выглядит лезть. Это была не лезть. Это был голод. Настя хотела вырасти, и Сергей был самым быстрым маршрутом.

Он не понимал этого тогда. Он понимал другое: рядом с ней он снова был крупным. Первая жена, Катя, за двенадцать лет усвоила его целиком – все истории, все привычки, все паузы. Она знала, что он скажет, прежде чем он открывал рот. Это называется близость. Сергей называл это скукой.

Настя не знала ничего. Каждая его история была для неё премьерой. Каждый совет – открытием. Особенно советы по карьере. Настя выросла из координатора в руководителя за два года. Сергей был уверен, что это его заслуга.

Моя школа.

Он не ошибался. Просто не дослушал до конца.

* * *

Пить он начал незаметно для себя и очень заметно для всех остальных.

Не запой – Сергей не из тех. Ежедневное, ровное, как капельница. Виски после работы. Виски за ужином. Виски перед сном. В какой-то момент – виски в обед, потому что обед в ресторане, а в ресторане не пить – невежливо. Потом – виски до обеда, потому что руки.

На работе пока держался. Навык: войти в комнату, сесть в кресло, говорить уверенно. Двадцать лет практики. Тело помнило, даже когда голова – нет. Но совещания стали длиннее. Решения – медленнее. Сергей повторял одно и то же дважды, не замечая. Замечали другие.

Собственник позвонил. Не Сергею – финансовому директору. Потом кадрам. Потом без-опасности. Сергей узнал последним, как это бывает с теми, кого решили убрать тихо. Ни скан-дала, ни разговора, ни «мы тобой недовольны». Просто в понедельник пропуск не открыл тур-никет. Охранник посмотрел в монитор, позвонил кому-то, вернулся.

– Сергей Андреевич, вас просили подождать.

Двадцать минут на диване в лобби. Секретарша принесла кофе. Вышел зам – человек, которого Сергей сам нанял три года назад. Улыбался, как подрядчик.

– Серёж, тебя пока освободили от операционки. Зарплата идёт. Отдохни.

Отдохни. Пропуск не вернули. Пароль от почты сменили в тот же день. Сергей был совла-дельцем – его подпись стояла на уставных документах, шесть процентов на бумаге, ноль в реальности. Номинал. Его оставили в бумагах и вычеркнули из здания.

Так вот как это работает. Тебя не увольняют. Тебя просто перестают пускать.

* * *

Настя изменилась. Или не изменилась – просто перестала наклонять голову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.